

Глава 16. У тебя тоже есть чувства и желания

В пустом амбаре Цзян Ко ударом ноги отправил управляющего зерном Чжан Бэя в полёт. Тот, пролетев через всё помещение, ударился спиной о каменный жёрнов.

Двое стражников из княжеской резиденции подскочили к пленнику. Один наступил ему на спину, другой схватил за волосы, открывая испуганное, окровавленное лицо.

Командир подошёл и, присев на корточки, упёрся концом кнута в переносицу Чжан Бэя.

— Последний раз спрашиваю, — голос Цзян Ко был полон угрозы, — куда ушёл «Кровавый Колокольчик»?

Управляющий, сглатывая кровь, продрожал:

— Я правда не знаю, командир Цзян, пощадите...

— В день нападения на склад ты подсыпал яд в вино на праздновании рождения ребёнка у твоего коллеги и усыпил всю охрану. Если бы ты не предал хозяина, откуда бы «Кровавый Колокольчик» узнал адрес этого тайного склада и так легко увёз шестьсот даней зерна?

Предатель молчал, дрожа ещё сильнее.

— Ты знал, когда придут разбойники-сянма, но не знаешь, куда они ушли?

— Я правда не знаю! — взмолился Чжан Бэй. — Разбойники схватили моих родителей, жену и детей, заставили меня подсыпать яд. Даже сонный порошок они мне дали... Я знаю, что виноват перед хозяином, но прошу, командир Цзян, поймите, что меня заставили, и пощадите!

Цзян Ко наступил ему на руку и с силой надавил. По амбару разнёсся мучительный крик.

— Во всём амбаре несколько десятков человек, почему они выбрали именно тебя? — усмехнулся он. — Я ведь всё выяснил. Твой двоюродный брат давно ушёл в разбойники и, наверное, уже стал у них кем-то вроде мелкого главаря. Прежде чем сговориться с ним, ты подумал, кто тот хозяин, что может построить тайный склад под Учэном и хранить в нём столько зерна?

Пленник рыдал. Командир надавил на руку ещё сильнее, выдавливая из его горла искажённый вопль:

— А-а-а... я не знаю...

Цзян Ко прижал кнут к его горлу и прошептал на самое ухо:

— Это Царь мёртвых.

Он встал и коротко приказал стражникам:

— Линчи. Три тысячи шестьсот порезов. Посмотрим, на какой тысяче он заговорит.

Чжан Бэй сломался после третьего удара. Он задыхаясь выпалил, что разбойники ушли на восток, в Цзиян.

— Врёт, — отрезал Цзян Ко. — Продолжайте.

Ещё через дюжину порезов управляющий, воя нечеловеческим голосом, закричал:

— В горах Лилун! Они пошли на юг, в уезд Цихэ, и разбили лагерь в горах Лилун!

Цзян Ко, присев на жёрнов, принялся тщательно счищать с кнута прилипшую пустую шелуху.

— Переходите на другую руку. Продолжайте.

— На этот раз правда! — в ужасе закричал Чжан Бэй.

Его рука уже превратилась в кровавое месиво, и стражник принялся задираť рукав на другой. Пленник задыхался от боли.

— Лагерь в горах Лилун... построен в прошлом году, это... важная база «Кровавого Колокольчика» на пути в Цзинань.

— Может, в горах Лилун и есть логово, — задумчиво произнёс Цзян Ко, — но тридцать повозок с зерном вряд ли потащили в горы, учитывая, сколько застав на пути. О, я, кажется, не так спросил. На самом деле я хотел узнать, куда делось зерно моего хозяина?

«Значит, предыдущие двадцать порезов были напрасны?»

Чжан Бэй, охваченный страхом, ненавистью и горькой обидой, выплюнул большой сгусток крови.

— Ничего, я спрошу снова, а они снова начнут резать, — Цзян Ко уставился на жертву.

Его честное, правильное лицо с густыми бровями вдруг исказила злобная улыбка.

— Куда делось зерно моего хозяина? — повторил он.

Нож в руке стражника сверкнул ещё семь-восемь раз, и куски кожи размером с чайную чашку посыпались на ноги предателя. Тот окончательно потерял рассудок от боли.

— А-а-а-а! Зерно погрузили на суда! По реке Тухай на юго-запад, в префектуру Дунчан!

— Куда именно в Дунчан?

— В Ляочэн.

— Кто получатель?

— Я не знаю! Правда не знаю! Просто убейте меня! — Чжан Бэй в агонии дёрнулся, пытаясь наткнуться горлом на нож.

Стражник вовремя отвёл лезвие и нанёс ему сокрушительный удар локтем.

Цзян Ко понял, что выжал из управляющего всё до капли. Он встал и слегка похлопал его кнутом по окровавленной щеке.

— Предатели должны умереть. Раз уж ты сознался, я дарю тебе быструю смерть. Можешь высказать одно последнее желание, мы посмотрим, что можно сделать. Цени милость хозяина и не наглей.

Чжан Бэй горько раскаялся, но было уже поздно. Он прохрипел:

— Всю жизнь меня губила жадность... Был хорошим управляющим, но не мог спокойно смотреть, как столько богатства проходит через мои руки, не принадлежа мне... После налёта разбойников я должен был сразу забрать долю и бежать с семьёй, но снова пожадничал, понадеялся, что не раскроют...

Цзян Ко хмыкнул:

— Как только зерно пропало, хозяин намеренно пустил слух, что все должны оставаться на своих местах и не паниковать, что склад скоро пополнят. Это было сделано специально, чтобы усыпить бдительность предателя.

— Смешно, я ведь и на это зерно позарился... — выдохнул Чжан Бэй. — Что ж, сам виноват.

Прошу лишь об одном: не губите мою семью. Мой двоюродный брат — не из тех, кто знает жалость. Прошу, командир Цзян, увезите моих родных из Цзинаня подальше от разбойников. Скажите им, что я утонул по пьяни, а тело унесло течением.

— Не слишком много просишь. Отправим твоих близких в Сяцзинь, там как раз не хватает рабочих рук, — Цзян Ко приказал стражникам: — Прикончите его и закопайте здесь же. Приберитесь в амбаре, не хватало ещё крыс разводить.

Стражники выволокли впавшего в забытие управляющего наружу.

Украденное зерно не оставили себе, а отправили на судах в Дунчан, хотя основная территория «Кровавого Колокольчика» — префектура Цзинань...

«Этот главарь сянма не так прост, — размышлял Цзян Ко об этой неожиданной зацепке. — Не стоит ли за всем этим какая-то более крупная фигура?»

Об этом нужно было немедленно доложить князю. Он тут же углём набросал шифровку, запечатал её в бамбуковый тубус, залил воском и передал верному стражнику с приказом немедленно скакать в резиденцию князя Гаотана.

Затем командир со своим отрядом выступил к пристани на реке Тухай, надеясь выяснить, куда именно ушли суда с грузом.

***

Ляочэн

Стук копыт княжеской стражи затих вдали, оставляя на тракте облака пыли.

Через некоторое время другая лошадь, проделав долгий путь, въехала в Ляочэн — место пребывания властей префектуры Дунчан. Всадник осадил скакуна у задних ворот резиденции князя Лу и буквально вывалился из седла.

Мужчина, одетый как обычный странствующий воин, поспешил к дверям и постучал особым образом: пять раз коротко, три длинно и ещё два коротко. Вскоре алые створки приоткрылись, и привратник, подозрительно оглядев гостя, спросил:

— Откуда прибыл?

— Из Гаотана, — ответил тот и вынул из-за пазухи письмо, запечатанное сургучом с оттиском клинка Минхун.

Привратник, внимательно изучив печать, кивнул:

— Проходи, подожди внутри. Я доложу господину чжанши.

Через четверть часа это донесение оказалось в руках малого князя Лу, Цинь Туаня.

В тот момент правитель находился в просторной мастерской, изучая новое творение своих мастеров — механическую руку. Она была готова лишь наполовину, но уже достигала трёх чжанов в длину, представляя собой сложную конструкцию из дерева и железа. Цинь Туань потянул за одну из цепей «веревочного привода», и множество шестерней и шкивов пришли в движение — полусобранная конечность плавно и гибко согнулась с тихим щелчком.

Наблюдая за работой механизма, князь радостно и чисто улыбался. Эта улыбка заставляла двадцатипятилетнего мужчину выглядеть как довольный мальчишка.

В мастерской было жарко из-за подогреваемых полов. Цинь Туань сидел на полу, скрестив ноги, одетый в простую рабочую одежду из грубой ткани. Рукава и штанины были закатаны, обнажая крепкие, тренированные мышцы.

Чтобы пот не заливал глаза, он повязал на лоб ленту-моз шириной в три пальца, сделанную из воловьей жилы и обтянутую белой фланелью. Голова его не была покрыта шапкой или заколками — длинные, до пояса волосы были стянуты на затылке той же эластичной лентой в несколько оборотов. Со спины он напоминал знатную даму периода Сражающихся царств.

Чертами лица он не походил ни на сурового отца, прежнего князя Лу, Цинь Лю, ни на свою ослепительную мать, княгиню Бо Ситан. Его красота была иной — какой-то особенной и чистой.

Стоявший рядом старый мастер подал ему круглый подшипник с восемью пазами, в которых перекатывались стальные шарики. Цинь Туань взял деталь, повертел в руках и приказал:

— За три дня закончите сборку этой конечности. Мой «Павильон тысячи механизмов и ста перемен» нужно будет надстроить ещё на один уровень.

Чжанши Цюй бесшумно вошёл в мастерскую, опустился на колени подле своего господина и почтительно подал письмо.

— Ваше Высочество, донесение от нашего человека из Гаотана.

Князь отложил деталь и небрежно вскрыл конверт. Пробежав глазами по строкам, он произнёс:

— Надо же, у моего холодного и надменного третьего брата, который и на шаг никого не подпускает, тоже есть человеческие чувства и желания. Мало того, что привёз любовниц в резиденцию, так ещё и обзавёлся незаконнорождённым сыном.

Чжанши Цюй был искренне изумлён.

— Это крайне неожиданно. Князь, вы полагаете, ребёнок действительно крови князя Гаотана?

— А у тебя есть повод сомневаться? Имеются доказательства? — вопросом на вопрос ответил Цинь Туань.

Чжанши опустил голову:

— Я не это имел в виду. Просто весть слишком внезапная. Мальчику уже три года, а до этого не было ни малейшего слуха.

Цинь Туань ещё раз перечитал донесение и задумчиво проговорил:

— Если сын не его, то и женщины, скорее всего, тоже. Но если они не его, то чьи? Не думаю, что у моего третьего брата есть страсть примерять рога. Если только... он не покрывает кого-то по доброй воле?

Чжанши Цюй, словно вспомнив о чём-то, тихо ахнул и покачал головой:

— Нет, не может быть! В тот раз я всё видел своими глазами, ошибки быть не могло. Видимо, я просто разволновался. В конце концов, князь Гаотан не монах, привести в дом пару наложниц — дело вполне обычное.

Цинь Туань, похоже, тоже не пришёл к окончательному выводу. Он убрал письмо за пазуху.

— Так это или нет, узнаем при встрече.

— Что вы задумали, Ваше Высочество?

— Если он желает иметь наследника, то должен был сначала доложить мне, чтобы я как глава рода организовал смотрины и свадьбу. Нашёл бы ему достойную девушку в своих владениях, подал бы прошение двору, и только тогда он мог бы взять законную жену. Женитьба цзюньвана без соизволения главы рода и двора — это тяжкое преступление.

Чжанши Цюй кивнул:

— Вот почему он не смеет сделать их официальными наложницами, а слуги в резиденции зовут мальчишку наследником. Смехотворно. Князь, не стоит ли известить об этом императорский двор?

Цинь Туань весело рассмеялся:

— Если доложу сейчас, то и на мне будет вина за недосмотр. Раз уж третий брат так хочет продолжить род, почему бы не пригласить его в гости? Пусть приедет в резиденцию Лу, привезёт женщин и ребёнка, а я на них посмотрю. Сделать любовниц жёнами невозможно, но я подберу ему в Дунчане невесту из знатного рода — это всяко лучше дочери какого-то охотника. А ребёнка пока оставим у меня на воспитание. Ему уже три года, пора нанять хорошего наставника. В захолустном Гаотане ведь не найти достойных учёных мужей.

Стоя на коленях, Чжанши Цюй заметил под верстаком паутину. Тонкие и липкие нити расходились идеальными кругами, а в самом центре застыл паук. Он сидел неподвижно, но было ясно, что ни одна жертва не уйдёт из его ловушки.

— М-м? — Цинь Туань издал тихий вопросительный звук.

Чжанши вздрогнул, возвращаясь к реальности.

— Ваше Высочество совершенно правы. Я немедленно отправлю людей в Гаотан.

Цинь Туань немного подумал и добавил:

— Поезжай сам и возьми с собой отряд княжеской гвардии. Кроме того, передай весточку Чжэньфу Сяо Хэну в Линьцине. До твоего прибытия в Гаотан любовницы и сын моего брата должны оставаться в стенах резиденции.

Он поднялся, сладко потянулся и лениво проговорил:

— Наша линия князей Лу совсем опустела. После гибели старшего брата его жёны последовали за ним, не оставив детей. Моё здоровье тоже оставляет желать лучшего. Теперь вся надежда только на третьего брата — пусть плодится и размножается.

Чжанши Цюй поспешно отозвался:

— Вы ещё молоды, Ваше Высочество. Кроме главной супруги, можно взять ещё несколько наложниц, со временем в доме непременно зазвучит детский смех.

Цинь Туань, разворачивая рукава, небрежно бросил:

— Будут у меня дети или нет — на то воля Небес. Но вот сына моего брата мы терять не имеем права. В дороге позаботься о мальчике как следует. Иди, готовься, завтра на рассвете выступаешь.

Чжанши Цюй почтительно поклонился и покинул мастерскую.

<http://bllate.org/book/15875/1439763>